

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена одному из ключевых периодов российской истории, который в настоящее время вызывает острый интерес и жаркие споры. В научной и публицистической литературе сталкиваются полярные точки зрения – от крайней идеализации общества 20-х годов до безапелляционно негативной его оценки.

Эта книга – приглашение к размышлению над неизвестными и давно известными фактами, явлениями и их интерпретациями. Хотелось бы в связи с этим привлечь внимание исследователей к некоторым вопросам, отраженным в названиях глав:

- возрастнополовой состав населения: произошла ли демографическая компенсация в середине 20-х годов?
- была ли российская деревня «средняцкой»?
- городское население: «новая» структура?

Как видно из этих названий, объект исследования – социально-демографический состав российского общества, которое только что было потрясено глубочайшими социальными катаклизмами и ступило на путь восстановления хозяйства в условиях возрождающейся рыночной экономики в рамках государственного администрирования.

Итак, каждому из поставленных вопросов в книге посвящена специальная глава. В первой из них рассматривается состав населения России по полу и возрасту в общем и региональном планах. Выбор регионов обусловлен наиболее ярко выраженной спецификой возрастнополовой пирамиды населения. В центре внимания – вопрос о понесенных Россией людских потерях, нарушениях в возрастнополовой структуре и демографических процессах.

Во второй главе исследуется некооперированное крестьянство российской деревни, соотношение различных составляющих его социальных слоев и групп в условиях нэпа. В связи с этим поставлены вопросы о сущности дифференциации как социально-экономической, так и демографической и так называемого «осереднячивания» деревни.

Третья глава посвящена изучению социального состава российских городов. Городское население в первой половине

20-х годов не превышало 14–15 % жителей республики и имело сложную социальную структуру со множеством различных групп и слоев. Центральным здесь является вопрос о содержании и направленности социальных процессов, развивавшихся в условиях возрождавшегося рынка, и воздействии на эти процессы государственной политики. В главе освещается специфика социального состава городов крупных регионов России.

Исследование охватывает 1920–1926 гг. Однако при необходимости мы выходим за пределы этих хронологических рамок. Например, в главе о крестьянстве привлечен значительный материал, относящийся к 1918–1920 гг., без которого невозможно, на наш взгляд, объяснить процессы, происходившие в «нэповской» деревне.

Территориально исследование охватывает Российскую Федерацию в границах 1920 г., т. е. включая Казахстан и Среднюю Азию.

* * *

О социальной и демографической структуре города и деревни 20-х годов написано довольно много научной литературы, хотя эти проблемы изучены неравномерно и больше в этом отношении повезло тем из них, которые так или иначе связаны с крестьянством. Одни из этих работ на сегодняшний день полностью устарели, не выдержав испытания временем, другие, хотя их концепции архаичны (что было обусловлено конъюнктурой 60-х и особенно 70-х годов), содержат при этом богатый фактический материал, не утративший актуальности. Но есть работы, авторами которых были поставлены вопросы, обгонявшие уровень исторического видения того времени. Глубина решения в них ряда проблем стала ясна только теперь. К этой последней категории относятся исследования А. Г. Вишневого, В. П. Данилова, В. П. Дмитренко, В. З. Дробужева, В. В. Кабанова, Ю. А. Полякова, Б. Ц. Урланиса, Д. К. Шелестова¹.

¹ *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. М., 1977; *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; *Дмитренко В. П.* Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу, 1921–1924. М., 1971; *Дробижес В. З.* У ис-

Особую ценность представляют собой работы статистиков, изданные в 20-е годы. Они содержат разработки по методике изучения социальных отношений того времени и обильные статистические данные. Это труды А. Гайстера, И. К. Воронова, Ю. Ларина, Л. Е. Минца, В. С. Немчинова, А. И. Хрящевой, А. В. Чайнова и др.²

В самое последнее время появились исследования с новым концептуальным осмыслением социальных отношений в период нэпа. К ним следует отнести статьи и очерки Г. А. Бордюгова и В. А. Козлова, В. П. Булдакова и В. В. Кабанова, В. П. Данилова, В. П. Дмитренко и др.³

Источниками для настоящей работы послужили материалы архивов РГАЭ и ГАРФ, особенно фонды личных архивов таких статистиков, как Н. Я. Воробьев, П. И. Попов, А. И. Хрящева. Многие из документов, хранящиеся в этих архивах, вводятся в научный оборот впервые.

Среди опубликованных источников обширный социально-демографический материал включают переписи населения: Перепись населения 1920 г., Сельскохозяйственная перепись 1920 г., Всесоюзная городская перепись 1923 г., Всесоюзная

токов советской демографии. М., 1987; *Кабанов В. В.* Социально-демографические процессы крестьянского двора, 1917–1920 гг. // *Население и трудовые ресурсы советской деревни (1917–1984 гг.)*; *Поляков Ю. А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; *Урланис Б. Ц.* Динамика уровня рождаемости за годы Советской власти // *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР*. М., 1977; *Шелестов Д. К.* Историческая демография. М., 1987.

² *Гайстер А.* Расслоение советской деревни. М., 1928; *Он же.* Социальные сдвиги в советской деревне // *На аграрном фронте*. 1928. № 1; *Воронов И. К.* Групповой состав Воронежской деревни. Воронеж, 1925; *Ю.* Итоги, сроки, перспективы. М., 1927; *Минц Л. Е.* Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М., 1926; *Немчинов В. С.* Избранные произведения. М., 1967; *Хрящева А. И.* Группы и классы в крестьянстве. М., 1923; *Чайнов А. В.* Крестьянское хозяйство. М., 1989.

³ *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* Диалектика теории и практики социалистического строительства: к вопросу о деформациях социализма // *История СССР*. 1989. № 6; *Булдаков В. П., Кабанов В. В.* «Военный коммунизм» идеология и общественное развитие // *Вопр. истории*. 1990. № 3; *Данилов В. П.* К истории коллективизации // *История СССР*. 1991. № 5; *Дмитренко В. П.* «Военный коммунизм», нэп // *Там же*. 1990. № 3.

перепись населения 1926 г. Они содержат обильные статистические данные по регионам страны, до настоящего времени недостаточно используемые в научной литературе. Кроме того, в работе привлечены сведения по текущей статистике, содержащиеся в разного рода справочниках и ежегодниках, издававшихся в 1920-е годы. Изучены также материалы периодической печати 20-х годов.

Автор приносит глубокую благодарность дочери Н. Я. Воробьева Наталье Николаевне и внучке А. И. Хрящевой и П. И. Попова Юлии Ивановне Ярош за разрешение использовать документы личных архивов этих известных статистиков, хранящиеся в РГАЭ.

ГЛАВА I

Возрастно-половой состав населения: произошла ли демографическая компенсация в середине 20-х годов?

Как известно, начиная с 1914 и вплоть до 1921 г. Россия пережила две кровопролитные войны – Первую мировую и Гражданскую, и революцию. Людские потери, связанные с этими социальными потрясениями, оставили глубокий след в возрастно-половой структуре россиян.

В канун XX в. Россия имела традиционное расширенное воспроизводство населения с высокой рождаемостью и смертностью и соответствовавший ему демографический состав, который характеризовался большим удельным весом детей и молодежи и небольшой долей лиц пожилого возраста.¹ Так, в Европейской России в 1897 г. дети от 0 до 10 лет составляли 1/4 населения, а лица от 0 до 30 лет – почти 2/3 (свыше 60 %), зато на людей в возрасте от 60 лет и старше приходилось менее 8 %. Наблюдалась высокая смертность населения всех возрастов, особенно в периоды эпидемий и голода. В 1896–1897 гг. общий коэффициент смертности в Европейской России равнялся 34,8 ‰, а в некоторые неблагоприятные годы (неурожаев и эпидемий) поднимался до 41 ‰ (например, в 1892 г.). В начале XX в. показатели смертности несколько понизились, но тем не менее, продолжали оставаться высокими. В России в 1901–1910 гг. общий коэффициент смертности достигал 29,9 ‰, а в 1911–1913 гг. – 27,1 ‰. Очень высоким в конце XIX – начале XX в. был показатель младенческой смертности – 326 ‰, т. е. из каждых 10 родившихся младенцев умирали 3,3. Средняя продолжительность жизни была невелика. В 1896–1897 гг. она составляла в Европейской России для мужчин 31,4 года, а для женщин – 33,4 года². Как мы видим, разница в продолжительности жизни в пользу женщин была небольшой. Соотношение полов во всех возрастах не было нарушено.

¹ Шелестов Д. К. Историческая демография. М., 1987. С. 165.

² См.: Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 153–169, 188; Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 48; Воспроизводство населения в СССР. М., 1983. С. 57.

Равновесие складывалось уже к 4-летнему возрасту, колебания в ту или иную сторону начинались после 45 лет, и только после 60 лет оно нарушалось в пользу женщин. При таком соотношении полов высоким был уровень брачности. По переписи 1897 г. женщин, состоявших в браке в возрастной группе 20–29 лет, было 75,9 %, а в возрасте 30–39 лет и того больше – 87,3 %. Высокой в России была и рождаемость. В 1896–1897 гг. в Европейской России ее общий коэффициент равнялся 50,5 ‰. В некоторых губерниях он поднимался до 60 ‰. В то же время во Франции общий коэффициент рождаемости едва превышал 20 ‰, в Германии – 34,3 ‰, в Англии и Уэлсе – 28–29 ‰.

Несмотря на высокие показатели смертности, ежегодный прирост населения в дореволюционной России составлял 14,9 ‰ (подсчеты А. Г. Рашина), а по оценкам современных исследователей (например, С. В. Захарова), он был еще выше – 15,7 ‰³. В результате население Российской Империи в целом увеличилось с 128,9 млн в 1897 г. до 165,7 млн (без Финляндии) накануне Первой мировой войны (в 1914 г.). По подсчетам Б. Ц. Урланиса, население Европейской России в 1900 г. составляло 111,2 млн⁴.

Определением численности населения России и масштабов понесенных в 1914–1921 гг. потерь занимались многие отечественные и зарубежные историки и демографы. Сложность подсчетов, ограниченность и противоречивость источников привели исследователей к разным цифровым результатам. Однако все авторы констатируют значительное падение численности населения России за годы Первой мировой и Гражданской войн и первых мирных лет. Мы приведем здесь численность населения России, рассчитанную Ю. А. Поляковым, И. Н. Киселевым и Б. А. Устиновым за эти годы, поскольку данные приводятся в сопоставимых территориаль-

³ Рашин А. Г. Указ. соч. С. 153, 169; Народонаселение: Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 399; Adametz S., Blum A., Zakharov S. Disparity et variability des catastrophes demographiques en URSS. P., 1994. P. 62.

⁴ Водарский Я. Е. Население России за 400 лет. М., 1973. С. 151; Сифман Р. И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в СССР. С. 205; Шелестов Д. К. Указ. соч. С. 165; Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе. М., 1941. С. 414–415.

ных границах (за основу взяты границы 1926 г.). Население страны осенью 1917 г. насчитывало, согласно их расчетам, 147 644 тыс. человек, в начале 1920 г. – 137 563 тыс. (без Бухары и Хивы), а с Бухарой и Хивой – 140 563 тыс., на начало 1921 г. – соответственно 133 757 тыс. и 136 707 тыс., на начало 1922 г. – в 131 903 тыс. и 134 903 тыс. человек.

Таким образом, по расчетам этих авторов, с осени 1917 г. население страны сократилось к 1920 г. на 7,1 млн человек, к 1921 г. на 10,9 млн, к 1922 г. на 12,7 млн, по сравнению же с январем 1914 г. в сопоставимых территориальных границах 1939 г. убыль населения к началу 1920 г. составила 2,4 млн человек, 1921 г. – 6,2 млн, 1922 г. – 8,0 млн. По данным С. В. Захарова людские потери страны в 1916–1921 гг. колеблются в пределах от 12 млн до 18,6 млн человек (в зависимости от методики исчисления темпов прироста населения в анализируемый период)⁵.

Людские потери нарушили соотношение полов, особенно в деревне. Среди лиц 1894–1898 гг. рождения соотношение мужчин и женщин составляло 1:2, а среди лиц 1899–1903 гг. рождения – уже 1:2,3. В 1917 г. в сельской местности Смоленской губернии отсутствовали 44 % взрослого мужского населения, Владимирской – 54 %. Естественно, что в этих условиях сократился уровень брачности. По сравнению с 1913 г. в 1914 г. количество браков уменьшилось на 15 %, в 1915 г. – на 54 %, в 1916 г. – на 56 %. Убыль мужского населения (по подсчетам И. П. Ильиной) привела к тому, что в 1917 г. в России было заключено лишь 65 % от числа браков, состоявшихся в 1913 г. Общий дефицит браков за три года Первой мировой войны составил около 1700 тыс.

Значительно возросла в военные годы смертность населения. По сравнению с 1913 г. количество умерших в 1915 г. увеличилось в Вятской губернии на 10 %, в Саратовской – на 16 %, в Самарской – на 35 %⁶ и т. д.

⁵ См.: Поляков Ю. А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 94, 98; Народонаселение. С. 398–399.

⁶ Ильина И. П. Влияние войны на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. С. 11, 50; Статистический ежегодник, 1918–1920 гг. // ТР. ЦСУ СССР. 1921. Вып. 1. С. 2–3, 57–61; Дробижев В. З. У истоков советской демографии. М., 1987. С. 63;

Потери мужского населения и снижение брачности привели к падению рождаемости. В 10 губерниях Европейской России по сравнению с 1913 г. ее показатель понизился в 1914 г. на 19 %, в 1915 г. на 58 %, в 1916 г. на 57 %. Падение рождаемости не прекратилось и в 1917 г. Так, в Вологодской губернии в тот год общий коэффициент рождаемости составил 18,8 ‰, в Тверской – 25,4 ‰, в Ярославской – 26,9 ‰, а в Москве и Петрограде – 19,6 и 18,7 ‰⁷.

1918 год отмечен первой волной демобилизации, что сразу сказалось на повышении брачности, ее показатель (по сравнению с 1917 г.) вырос в Петрограде с 4,7 до 8,5 ‰, Москве с 3,9 до 5,3 ‰, в Ярославле с 6,4 до 11,2 ‰; в сельской местности Европейской России – примерно в 2 раза. В 1919 г. начала повышаться рождаемость, хотя ее уровень был еще очень далек от довоенного. По отношению к 1917 г. общий коэффициент рождаемости вырос в Саратовской губернии с 29,9 до 34,2 ‰, в Вологодской – с 18,8 до 31,7 ‰ и т. д. Однако эта тенденция не была устойчивой в условиях идущей Гражданской войны. В ряде местностей коэффициент рождаемости продолжал понижаться и после демобилизации – например, в Орловской, Петроградской губерниях и в др.⁸

В 1920 г. после окончания Гражданской войны последовала вторая волна демобилизации. Это увеличило долю мужского населения в городах и деревнях ряда губерний. Но были и такие среди них, где доля мужчин продолжала уменьшаться, в частности в Казани и Владимире. Еще не все мужчины вернулись с фронтов, а среди возвратившихся была высокой смертность от ран и болезней. Тем не менее показатели брачности по сравнению с аналогичными показателями 1917 г. увеличились: в Петрограде до 20,7 ‰, в Москве – до 19,6 ‰, в Орле – до 21,3 ‰ (по сравнению с 1915 г.)⁹.

Новосельский С. А. Влияние войны на естественное движение населения // Тр. комиссии по обследованию санитарных последствий войны, 1914–1920 гг. М.; Пг., 1923. Вып. 1. С. 137, 115.

⁷ *Новосельский С. А.* Указ. соч. С. 137; *Дробижев В. З.* Указ. соч. С. 65.

⁸ *Новосельский С. А.* Указ. соч. С. 107; *Дробижев В. З.* Указ. соч. С. 66–67; *Струмилин С. Г.* Трудовые потери России в войне // Народное хозяйство. 1920. № 18. С. 104.

⁹ Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Пг., 1921. Вып. 5. С. 23; Бюллетень Орловского губстатбюро. Орел, 1925. Вып. 4. С. 4.

В городах и селах было много вдов, в связи с чем возросло число повторных браков. Однако увеличение числа браков далеко не везде вызвало рост уровня рождаемости, например, в Ярославле и Орле он даже понизился. Общий коэффициент рождаемости в среднем колебался от 23 до 27‰. По 17 губерниям Европейской России он нигде не достиг уровня 1913 г.¹⁰

Смертность населения продолжала и в 1920 г. оставаться высокой. Во многих районах и городах Европейской России, в частности Саратове, Екатеринбурге, Москве, Петрограде ее показатель был почти в 2 раза выше, чем в 1914 г. В целом в Европейской России общий коэффициент смертности составлял 40,9‰, в 1920 г. было зафиксировано, по неполным данным, 3,1 млн умерших¹¹. Сказывались не только продолжавшиеся военные действия и связанные с этим потери, но и ослабленное здоровье и истощение людей, распространение инфекционных болезней, плохое питание и тому подобные факторы. Смертность мужчин была 1,5 раза выше, чем женщин. Оставалась высокой младенческая и детская смертность. По неполным данным переписи 1920 г., на территории РСФСР были зафиксированы 84 282 906 жителей, в том числе 72 231 692 в селах и 12 051 264 в городах¹². Потери населения с 1914 по 1920 г. деформировали демографическую структуру общества и естественный процесс ее воспроизводства, что имело долгосрочные последствия. Прежде всего было нарушено соотношение полов. Процент женщин в населении РСФСР составил 55,1, а мужчин – 44,9. При этом соотношение полов в пользу женщин было нарушено главным образом в молодых возрастных группах и отчасти в группе 30 до 40 лет, т. е. пострадали самые перспективные с точки зрения воспроизводства населения и восполнения трудовых ресурсов возраста. Если в группе 14-летних соотношение полов было 1:1, то уже среди лиц 18-летнего возраста женщин было 60,7 % (в Европейской России

¹⁰ Дробижев В. З. Указ. соч. С. 65–67.

¹¹ Adametz S. et al. Op. cit. P. 72–73.

¹² Территория РСФСР была охвачена переписью 1920 г. без Киренского, Бодайбинского, Селенжинского, Сергуцкого, Славгородского, Березовского уездов Сибири и Тимирского уезда Киргизии (см.: Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923. М., 1924. С. 12, 24).

даже 61 %). Более всего пострадала молодёжь 20–24 лет, удельный вес женщин в этой возрастной группе был самым высоким и достигал почти 72 % (в Европейской России 64 %), а мужчин было всего 28 %. Большие потери понесли также мужчины 25–29 лет, среди всех лиц этого возраста они составляли 33,7 % (в Европейской России 42,5 %). Даже в группе лиц 30–39-летнего возраста нарушение соотношения полов было выше среднего показателя по РСФСР – 57,5 % в пользу женщин. В сельской местности Европейской России потери мужской части населения были еще заметнее. Особенно пострадали лица в возрасте 20–24 и 25–29 лет – женщин среди них было соответственно 76,6 и 71,2 %¹³.

Нарушено было и соотношение самих возрастных групп: в РСФСР группа от 0 до 30 лет, составлявшая по переписи 1897 г. более 60 % всего населения, в 1920 г. насчитывала лишь 48,5 %. Доля подростковой и молодежной возрастных групп сократилась в 1920 г. (по сравнению с аналогичными показателями 1897 г.) в 1,5 раза, главным образом за счет молодежи 20–29 лет. Невысоким был удельный вес и следующей возрастной группы – 30–39 лет, на которую приходилось 11,1 %. Более трети населения составляли люди 40 лет и старше, притом доля лиц старше 60 лет и детей осталась неизменной и составляла также, как и в 1897 г.: соответственно 8 % и 25 % от всего населения).

Известно, что и в 1920 г. наблюдалась высокая смертность детей и стариков и в этой связи сохранить прежний удельный вес они могли лишь в результате вымывания молодежных возрастных групп. Сложилась, таким образом, возрастная структура, деформированная военными потерями, с преобладанием детей, подростков и пожилых людей.

Еще не успела отгреметь Гражданская война, как страну постигло новое бедствие – голод на обширной территории России. Смертность населения оставалась высокой и в 1921, и в 1922, и отчасти в 1923 гг. и превосходила уровень довоенного времени. Так, в 1920–1922 гг. во Владимирской губернии коэффициент смертности достигал 31,3 ‰ по сравнению с

¹³ Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923. М., 1924. С. 10, 11, 21–23.

30,2 ‰ в 1911–1913 гг.; в Москве – соответственно 36,7 и 25,6 ‰; Костромской губернии – 32,1 и 29,9 ‰; Саратовской губернии – 33,8 и 12,6 ‰; Татарии – 47 и 30,4 ‰ и т. д. Особенно большими в 1921 г. людские потери были в Поволжье, сильно пострадавшем от голода. Так, в Казани общий коэффициент смертности достигал 40 ‰, а в 1922 г. – 45 ‰, в Саратове – 62 ‰. Высокий показатель смертности был характерен и для некоторых других районов, например в Вологде он равнялся 41,5 ‰. В среднем в российских городах, где люди особенно страдали от голода, коэффициент смертности в 1921 г. составлял 38,2 ‰, а в сельской местности – 26,1 ‰. В той же Саратовской губернии в селах он насчитывал 30 ‰, в городах – 60 ‰¹⁴. Однако тогда же, в начале 20-х годов, в некоторых районах РСФСР наметилась тенденция к снижению смертности (в Нижегородской губернии, например, где коэффициент смертности понизился по сравнению с довоенным 1913 г. с 31,2 до 27,3 ‰, аналогичным образом обстояло дело в Смоленске, Пскове и Новгороде). Но устойчивость тенденции к понижению смертности для большинства районов РСФСР приобрела лишь в 1923 г.: коэффициент смертности в основном не превышал 32 ‰, а в некоторых районах опускался даже до 18 ‰, т. е. был ниже довоенного показателя¹⁵.

В начале 20-х годов продолжало возрастать число браков. Причин тому было много – и окончание войны, и упрощение как процедуры вступления в брак, так и развода в связи с новым законодательством. Во многих районах России показатель брачности в 1920, 1921, 1922 гг. превышал довоенный: в Новгородской губернии 11,8 (в 1913 г. – 8 ‰), Нижегородской – соответственно 10,2 и 7,6 ‰, Костромской – 10,9 и 8,4 ‰ и т. д. Отношение к браку оставалось еще в значительной степени традиционным, разводились редко, семья была стабильной. В 1920–1922 гг. на 243,5 брака приходилось всего 18,3 развода. Это наблюдение сделано по 19 губерниям Европейской России. Однако число разводов имело тенденцию к росту: в 1920 г. оно

¹⁴ Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923. М., 1924. С. 15–17, 27–29, 42; Дробижев В. З. Указ. сом. С. 90–92.

¹⁵ Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923. С. 42; Дробижев В. З. Указ. соч. С. 101.

составило 19 тыс., в 1921 г. – 32 тыс., в 1922 г. – 31 тыс. Хотя общий коэффициент рождаемости к 1923 г. повысился, довоенного уровня он все же не достиг и в среднем для городов России составлял 33,7 ‰. Последствия голода 1921 г. отрицательно повлияли на рождаемость. Если в 1921 г. она составляла 34 ‰, то в 1922 г. – только 25 ‰. В сельской местности показатель рождаемости равнялся в 1921 г. 37 ‰, в 1922 г. – 34 ‰, в 1923 г. – 41 ‰¹⁶.

1925–1928 годы характеризовались высокими показателями рождаемости, особенно это относится к 1925–1926 гг. Принято считать, что повышение коэффициентов рождаемости к середине 20-х годов, связанное с ее компенсаторным ростом, восполняло потери населения. Действительно, общий коэффициент рождаемости в европейской части страны ни разу не опускался ниже 44,7 ‰, а эффективной рождаемости – 30,7 ‰. Самый высокий коэффициент рождаемости приходился на 1925 г. – 45,0 ‰, а самый высокий коэффициент эффективной рождаемости (с 1917 по 1940 г.) – на 1926 г. Однако, как отмечает Д. К. Шелестов, довоенный уровень рождаемости так и не был достигнут. Лишь на 3 года показатель рождаемости в середине 20-х годов приблизился к нему. При этом нельзя не учитывать, что, хотя естественный прирост населения в те годы в большинстве губерний был положительным, уровень детской, особенно младенческой, смертности продолжал оставаться высоким. В 1924 г. на каждую 1000 родившихся умирал 191 младенец, т. е. 19 ‰, в 1925 г. – 20 ‰, в 1926 г. – 17 ‰, в 1927 г. – 19 ‰. Среди детей, умерших в возрасте от 1 до 4 лет, 10 ‰ приходилось на эти относительно благополучные годы¹⁷. Таким образом, разрыв между показателем эффективной рождаемости и общим коэффициентом рождаемости в те годы был достаточно велик.

В мирных условиях в Европейской России общий коэффициент смертности в 1925 г. понизился до 24,1 ‰, а в Центрально-Промышленном районе – до 22,1 ‰. Увеличилась средняя продолжительность жизни – мужчин до 42 лет, женщин – до

¹⁶ Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923. С. 40–42; Дробизhev В. З. Указ. соч. С. 90, 100–101.

¹⁷ Шелестов Д. К. Указ. соч. С. 169; Ильина И. П. Указ. соч. С. 17.

47¹⁸. Однако уже к 1928 г. повысился коэффициент смертности, а к 1930 г. снизилась рождаемость. Проявилась неблагоприятная тенденция, особенно в городах, к ранней смерти мужчин в трудоспособных возрастах и как следствие – увеличивающийся разрыв между продолжительностью мужской и женской жизнью. Кроме того, даже в те относительно благоприятные годы (середина 20-х годов) на долю внешних (экзогенных) причин смертности приходилось 2/3 всех смертей, что свидетельствует о подверженности населения массовым инфекционным заболеваниям, высоком травматизме на фоне недостаточного медицинского обслуживания, которым большая часть населения еще не была охвачена. Это неблагоприятное положение в области здравоохранения постоянно фиксировалось демографической литературой разных лет.

Повышение рождаемости и некоторое снижение смертности в середине 20-х годов не могли полностью компенсировать людские потери 1914–1922 гг., а главное – не могли преодолеть нарушение в развитии демографических процессов и демографической структуре населения.

«Демографическое эхо» войны нашло отражение в деформации половозрастной структуры населения России, на восстановление которой требовалось десятки лет. Диспропорция полов и возрастных групп нашла отражение во всей полноте во Всесоюзной переписи населения 1926 г.

К 1926 г. население Союза в целом увеличилось (по данным переписи 1926 г.) до 147 млн человек, по оценке статистика 20–30-х годов М. В. Курмана – до 145,8 млн, по оценке современных исследователей – до 148,5 млн¹⁹.

По переписи на территории РСФСР в границах 1926 г. (включая Казахстан и Киргизию) проживали 100,8 млн человек: 48,2 млн мужчин и 52,6 млн женщин²⁰. Война нарушила

¹⁸ Adametz S. et al. Op. cit. P. 73.

¹⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. 17; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991. С. 44, 46; Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Опыт оценки численности населения СССР 1926–1941 гг.: (Краткие результаты исследования) // Вест. статистики. 1990. № 7. С. 35; Социологические исследования. 1990. № 6. С. 24.

²⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. 9. С. 24.

соотношение полов: мужчин стало на 4,5 млн меньше, чем женщин, а их доля в составе населения равнялась 47,8 % по сравнению с 52,2 % женщин. В ряде возрастных групп женщины значительно преобладали – от 52,4 до 61,8 %. Как уже отмечалось, особенно пострадала от военных потерь группа молодежи в возрасте 25–29 лет, в которой женщины составляли 55,1 %. Этот показатель выше общесоюзного на 0,7 %. Нарушение в соотношении полов наблюдалось и в группе 30–34 года, самом трудоспособном возрасте, этим людям в годы гражданской войны было 22–26 лет. Среди них женщины преобладали над мужчинами на 7 %. Нарушение в соотношении полов в этих группах отрицательно сказывалось на демографической ситуации, поскольку их возраст являлся детородным. Значительно нарушенным оказалось равновесие полов среди лиц старше 55 лет, где женщины составляли от 54 до 62 %. Однако здесь сказывалось влияние и таких факторов, как большая продолжительность жизни женщин по сравнению с продолжительностью жизни мужчин.

Высокий уровень рождаемости после войны обусловил увеличение доли детей и подростков в составе населения РСФСР. Удельный вес детей от 0 до 4 лет составлял 15,3 %, доля же детей от 5 до 10 лет, рожденных в военные годы, не превышала 10,2 %. Война отразилась на уровне смертности детей 10–14 лет, появившихся на свет в основном еще до Первой мировой войны. На их долю приходилось 11,8 % населения. В целом же дети и подростки от 0 до 14 лет составляли 37,0 %, т. е. более трети всего населения. Высокий удельный вес детей и подростков типичен для общества, которое, с одной стороны, едва вступило в стадию демографического перехода; а с другой – только что пережило войну. Преобладание традиционного типа воспроизводства населения проявилось также в высоком удельном весе молодежи в населении российского общества. Так, возрастная группа 15–19 лет составляла 11 %, 20–24 лет – 9,4 %, а 25–29 лет – 8,0 %. Если учесть все возрастные группы молодежи, то в совокупности доля молодых людей составляла около 30 % населения.

Особенно большие потери понесли группы среднего возраста, так, удельный вес лиц 30–34 лет едва превышал 6 %, 35–39 лет – 5,7 %, 40–44 лет – 4,7 %, а 45–49 лет – 4,0 %, т. е. доля наиболее зрелой части населения не достигала и 20 %.

Удельный вес лиц пожилого возраста был незначителен (50–59 лет – 6,5 %; 60 лет и более – 6,7 %), это типичное явление для традиционного воспроизводства населения, для которого характерны высокая рождаемость и высокая смертность. Кроме того, война сказалась и на группах лиц пожилого возраста – разруха, голод способствовали повышению уровня их смертности.

Итак, население РСФСР в 1926 г. было молодым: 67 % его составляли дети, подростки и молодые люди до 30 лет. Любопытно отметить, что при очень незначительных численности и удельном весе стариков среди них встречались долгожители. Так, по переписи 1926 г., стариков в возрасте 95–99 лет было 23 тыс., 100 лет и старше – 15,7 тыс.

Возрастно-половая структура населения города отличалась от сельской. В городах уровень рождаемости был ниже, соответственно группа лиц от 0 до 15 лет составляла там меньшую долю – 29,3 % по сравнению с 38,9 % в сельской местности. Напротив, удельный вес молодежи 15–29 лет в сельском населении был ниже, чем в городском – 28 % по сравнению с 33,5 %.

В связи с начавшейся индустриализацией активизировалась миграция сельского населения в город. Среди мигрантов более мобильная молодежь составляла большинство и явно преобладала над лицами других возрастов. Не имевшие еще собственного хозяйства и не ставшие еще главами семей молодые люди сравнительно легко покидали родные деревни. Но среди мигрантов были люди и зрелого возраста – 30–49 лет. Одни из них возвращались в города, которые покинули в годы войны и разрухи, спасаясь от голода. Другие были мобилизованы на работу в промышленности и строительстве. Немало было среди них разоренных крестьян. Наконец, рабочая сила в городах пополнялась и за счет заключенных. В результате доля лиц в возрасте 30–49 лет в городском населении была больше, чем в сельском, – соответственно 25,2 и 19,6 %.

Удельный вес лиц 50–59 лет в городе и деревне был в составе населения одинаков. Зато людей 60 лет и старше в составе сельского населения перепись зафиксировала значительно больше, чем в составе городского, – соответственно 12,7 и 5,6 %. Пожилые люди, более привязанные к месту обитания,

редко мигрировали в города; скорее, напротив, многие горожане, сохранившие связь с деревней, возвращались туда на старости лет.

По данным переписи 1926 г., процент женщин в сельском населении был несколько выше, чем в городском, – соответственно 52,4 и 51,5 %. В селах среди детей в возрасте от 0 до 4 лет мальчиков оказалось больше, чем девочек, и это соотношение полов в пользу мужчин сохранялось вплоть до 15 лет, а затем менялось в пользу женщин. Если учесть все возрастные группы (начиная с 15 лет), то доля женщин в них колебалась от 52,1 до 60,1 %.

В городах соотношение полов внутри возрастных групп выглядело несколько иначе: начиная с 10-летнего возраста женщины преобладали над мужчинами почти во всех возрастных группах. Уже в группе от 10 до 14 лет их – 51,2 %, а в возрасте 15 лет – 53,3 %. Такая же картина в соотношении полов наблюдалась в группе 16–19 лет. Зато в группах от 20 до 55 лет удельный вес женщин был ниже, чем в деревне, и преобладание его над удельным весом мужчин выражено слабее. Даже среди 25–29-летних доля мужчин (хотя нарушение пропорций здесь очень ощутимо) была все же выше, чем в соответствующей группе сельского населения. А в ряде групп городского населения, например 40–49 лет, мужчин было даже больше, чем женщин. Так повлиял на возрастно-половую структуру миграционный поток из деревни в город. Что касается соотношения мужчин и женщин в возрастных группах от 60 лет и старше, то в городе оно выражалось как 1:1,8, а в деревне – как 1:1,3 в пользу женщин. Это связано с тем, что разница в продолжительности жизни женщин и мужчин в городе была больше, чем в деревне.

Последствия военных потерь, голода 1921 г. сказались и на возрастно-половом составе самодеятельного, занятого населения, которое составляло в РСФСР 86,6 млн человек, или 58,0 % всего населения. Среди мужчин процент занятого населения был выше, чем среди женщин (64,2 и 52,6). В деревне доля занятого населения была больше, чем в городе – 61,3 и 43,8 %. Это объяснялось наличием в городе значительного числа учащихся, а также более поздним приобщением детей и подростков к трудовой деятельности, которую в основном они начинали в 16 лет.

Особенно велика была разница в занятости женщин в городе и селе. Если в деревне доля занятых женщин составляла 57,8 % от всего женского населения села, т. е. более половины всех женщин, проживавших там, то среди горожанок работающих женщин – всего 28,4 %, или чуть более четверти. В городах в условиях безработицы, при наличии многодетных семей женщина реже участвовала в производстве, да и сам трудовой процесс не был таким естественным, как в деревне.

Данные о возрастной структуре самодеятельного населения также отразили последствия войны. Среди занятых довольно много было 10–15-летних подростков (14,1 %), вместе с молодежью от 16 до 30 лет они составляли 53 %, т. е. больше половины всех работающих; лиц зрелого возраста, от 30 до 49 лет – 30,2 %; лиц пожилого возраста, от 60 лет и старше, – всего 6,7 %. Хотя занятость подростков была все еще достаточно велика, последствия войны и обусловленная ими необходимость привлекать нетрудоспособное население к работе начали преодолеваться, если судить по незначительному проценту стариков, заменявших на производстве ушедших на фронт. О том же свидетельствуют данные о группе лиц предпенсионного возраста, имевших невысокий удельный вес среди работающих – 9,0 %.

Возрастной состав работающих женщин был ниже, чем у мужчин. Доля женщин 16–29 лет составляла 40,4 % всех занятых женщин. Это значит, что большая часть женщин работала до замужества, когда еще у них не было семьи и детей. Начиная с 25-летнего возраста удельный вес занятых женщин сокращался.

Возрастные структуры самодеятельного населения города и деревни отличались друг от друга. В городе по сравнению с деревней было очень мало работающих детей, подростков и стариков. Так, процент занятых городских детей 10–14 лет достигал 2,7, а на селе – 12,4; процент подростков 16–17 лет – соответственно 4,2 и 7,4. Группа 20–24-летних в городе преобладала – 16,2 % (в селе – 13,1 %). Всего же молодежь 16–29 лет в городах составляла 41,8 %, в селе – 38,5 %. Однако в деревне было больше работающих детей и подростков – подпасков, пастухов, батраков, тогда как в городе в то время уже действовало трудовое законодательство, запрещавшее детский труд.

Людей зрелого возраста в самостоятельном населении города и села было меньше, чем молодежи, – 38,9 и 29,8 %; 50–59-летних – соответственно 9,3 и 8,9 %. Что касается лиц старше 60 лет, то в занятом населении городов их удельный вес составлял 6,0 %, а в селе – 6,7 %. В городе в 20-е годы уже действовала система пенсионного обеспечения, которой в деревне не существовало, поэтому соотношение занятости у пожилых людей сложилось несколько иное, чем в других группах.

Доля мужчин в самостоятельном населении превышала удельный вес женщин – 53,3 и 46,7 %. При этом преобладание в городе занятых мужчин было выражено ярче – 67 и 33 %; в селе – соответственно 51,1 и 49,9 %, т. е. почти поровну, что объяснялось характером самого сельского труда. Соотношение мужчин и женщин в сельском самостоятельном населении мало варьировалось по возрастным группам: несколько выше был удельный вес женщин в группах 16–29 лет (50,7 %), в более позднем возрасте после рождения детей доля занятых женщин понижается, но незначительно, не опускаясь ниже 48 %. Лишь после 60 лет уровень их занятости падал заметнее (38 %), оставаясь все же довольно высоким.

Разница в соотношении полов в разных возрастных группах в городе была гораздо резче, чем в деревне: так, в группе 15-летних женщины составляли 46,2 %, 16–17-летних – 47,2 %, 18–19-летних – 41 %, 20–24-летних – 35,4 %, 25–29-летних – 32,3 %, 30–59-летних – 27–28 %. Вновь повышается удельный вес занятых женщин среди 50–59-летних (43 %). Очевидно, что городские женщины работали либо до замужества, либо овдовев, либо вырастив детей. Разница в продолжительности жизни мужчин и женщин в городах была больше, чем в селе, в результате женщины в городах раньше, чем в селе, вдовели и снова возвращались на работу.

Характеристика половозрастной структуры населения была бы неполной без учета ее специфики у различных общественных групп²¹. Возьмем за основу градацию переписи 1926 г., основанную на положении их в занятии: рабочие, служащие, лица свободных профессий, хозяева с наемными рабочими,

²¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1930. Т. 34. С. 118–172 (рассчитано мною. – В. Ж.).

хозяева, работающие только с членами семьи, и члены артелей, хозяева-одиночки, члены семьи, помогающие главе в его занятии, иждивенцы государственных учреждений, безработные и деклассированные. Распределение по полу и возрасту в каждой из этих групп обладает своими особенностями.

Возрастной состав рабочих к середине 20-х годов качественно улучшился по сравнению с 1920 г., когда в их рядах было много детей, подростков, стариков и женщин. К 1926 г. на смену им пришли вернувшиеся с фронта и из деревень квалифицированные рабочие. В итоге дети и подростки 10–14 лет составили среди рабочих-мужчин 2,9 %, а среди женщин-работниц – 3,6 %. Доля пожилых рабочих 60 лет и старше также резко сократилась – до 2,7 % среди мужчин и 2,8 % среди женщин.

Обращает на себя внимание активный приток молодежи на производство: доля молодых людей 16–29 лет составляла почти половину всех рабочих – 47,8 % мужчин и 52,5 % женщин. Таким образом, молодежи среди женщин было больше. Но рабочие включали в себя и большой контингент лиц зрелого возраста, например группа 30–49 лет составляла 42,8 % среди мужчин и 38,6 % среди женщин. Доля женщин в зрелом возрасте в силу рассмотренных выше причин начала сокращаться по сравнению с мужской.

Удельный вес молодежи и лиц 30–49 лет среди городских рабочих был более значительным, чем среди сельских. Среди последних было больше детей, подростков и стариков 60-летнего возраста и старше. Например, 10–14-летних рабочих в городе было всего 0,4 %, а в деревне – 6,4 %.

Исследование распределения рабочих по полу свидетельствует о том, что среди рабочих преобладали мужчины, а женщины составляли лишь четвертую часть. Начиная с 25-летнего возраста процент женщин убывал. Преобладание среди рабочих мужчин обуславливалось наличием в промышленности, строительстве, на транспорте тяжелых видов физического труда. Поэтому низкий процент занятости женщин был особенно характерен для городских рабочих.

Возрастной состав служащих был близок к составу рабочих с той разницей, что среди них преобладали лица зрелого возраста и соответственно меньше было молодежи. Это естественно, так

как для многих видов умственного труда требовалось образование. Мужчины преобладали и среди служащих, правда, в несколько меньшей степени, чем среди рабочих.

Среди лиц свободных профессий (адвокатов, врачей, артистов, священнослужителей и т. п., не состоявших на государственной службе) было много пожилых людей: 33,6 % старше 50 %. Доля женщин в этой группе была чрезвычайно мала, особенно в сельской местности, где она не превосходила 6 %.

Лица зрелого и пожилого возраста преобладали и среди хозяев с наемными рабочими: 30–49-летние составляли более половины хозяев этой категории; 50–59-летние – 14,2 %; 60-летние и старше – 15 %. Среди молодых наиболее многочисленной была группа 25–29-летних (12,1 %). Лица моложе 25 лет в группе хозяев встречались очень редко, так как предпринимателю надо было иметь капитал. В деревне в силу патриархальности состав хозяев был более пожилой, чем в городе. Так, лица 60 лет и старше составляли там 16 %, а в городах – 9,4 %. Но были и другие причины, обусловившие такой возрастной состав хозяев с наемными рабочими. Дети хозяев, приспособляясь к новым условиям, предпочитали становиться госслужащими или рабочими государственных предприятий. Число женщин среди хозяев этой категории было невелико, это в основном женщины пожилые, нередко вдовы (особенно в деревне), вынужденные прибегать к найму рабочей силы, чтобы вести хозяйство.

Возрастной состав хозяев, работающих только с членами своей семьи, был близок предыдущей общественной группе. Пожилых в этой группе насчитывалось еще больше, а женщины – хозяева и главы семей были совсем редки. Кроме того, они были значительно старше хозяев-мужчин. Например, группа 50–59-летних составляла здесь среди мужчин 16,6 %, а среди женщин – 24,5 %.

Но существовала и более молодая группа – хозяйка-одиночки. Лица 60 лет и старше составляли здесь 8 %, а молодежь 16–29 лет – почти 30 %. Доля женщин в данной группе возрастала до 24,7 %. Характер занятий этой группы был близок к занятиям рабочих.

Члены семей, помогающие главе в его занятии (женщины, дети, подростки и молодые люди, еще не успевшие обзавестись

своим хозяйством), – это единственная группа самодеятельного населения, в которой женщины составляли большинство. Доля детей и подростков 10–15 лет достигала здесь 17,2 % в городах и 24,5 % в селах.

Среди безработных перепись 1926 г. зафиксировала большое количество молодых людей 16–29 лет – примерно 56 % и лиц зрелых возрастов – 34,0 %. Доля женщин среди безработных составляла 42 % в городах и 33,7 % в сельской местности. Если учесть, что уровень их занятости был относительно невысок, то вывод очевиден: они гораздо чаще, чем мужчины, теряли работу.

Деклассированное население, главным образом нищие, состояло в основном из детей и стариков. Среди этой категории встречались лица молодого и зрелого возраста, примерно 5 % (инвалиды, жившие подаянием, опустившиеся люди, проститутки). Однако в те годы проституция не была распространена столь широко, как ныне, и существовала преимущественно в скрытых формах. Поэтому перепись среди женщин, отнесенных к группе деклассированных, зафиксировала очень небольшой процент молодых: 16–19-летних – 2,8 %, 20–24-летних – 3,2 %.

Иждивенцы государственных учреждений – это были в основном дети, содержавшиеся в детских домах и приютах, а также учащиеся, обеспеченные стипендией (53 % этой группы). Кроме того, пенсионеры по возрасту и инвалиды, получавшие пособия от государства (16,1 %).

Таким образом, данные переписи 1926 г. о возрастно-половой структуре населения РСФСР свидетельствуют, что в середине 20-х годов она все еще несла на себе ощутимые следы военных потерь и голода 1921 г., хотя и шел процесс ее восстановления. Особенно ярко это отразилось на составе самодеятельного населения.

Молодежь и лица наиболее трудоспособных зрелых возрастов пополняли главным образом группы рабочих и служащих. Во всех категориях самодеятельного населения были представлены женщины, в основном молодые. Деформация проявилась в нарушении соотношения полов в рабочих возрастах в пользу женщин, высокая занятость которых в общественном производстве видна на примере групп 25–29, 30–34-летних. Это видно во все еще заметной роли подростков и стариков,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru